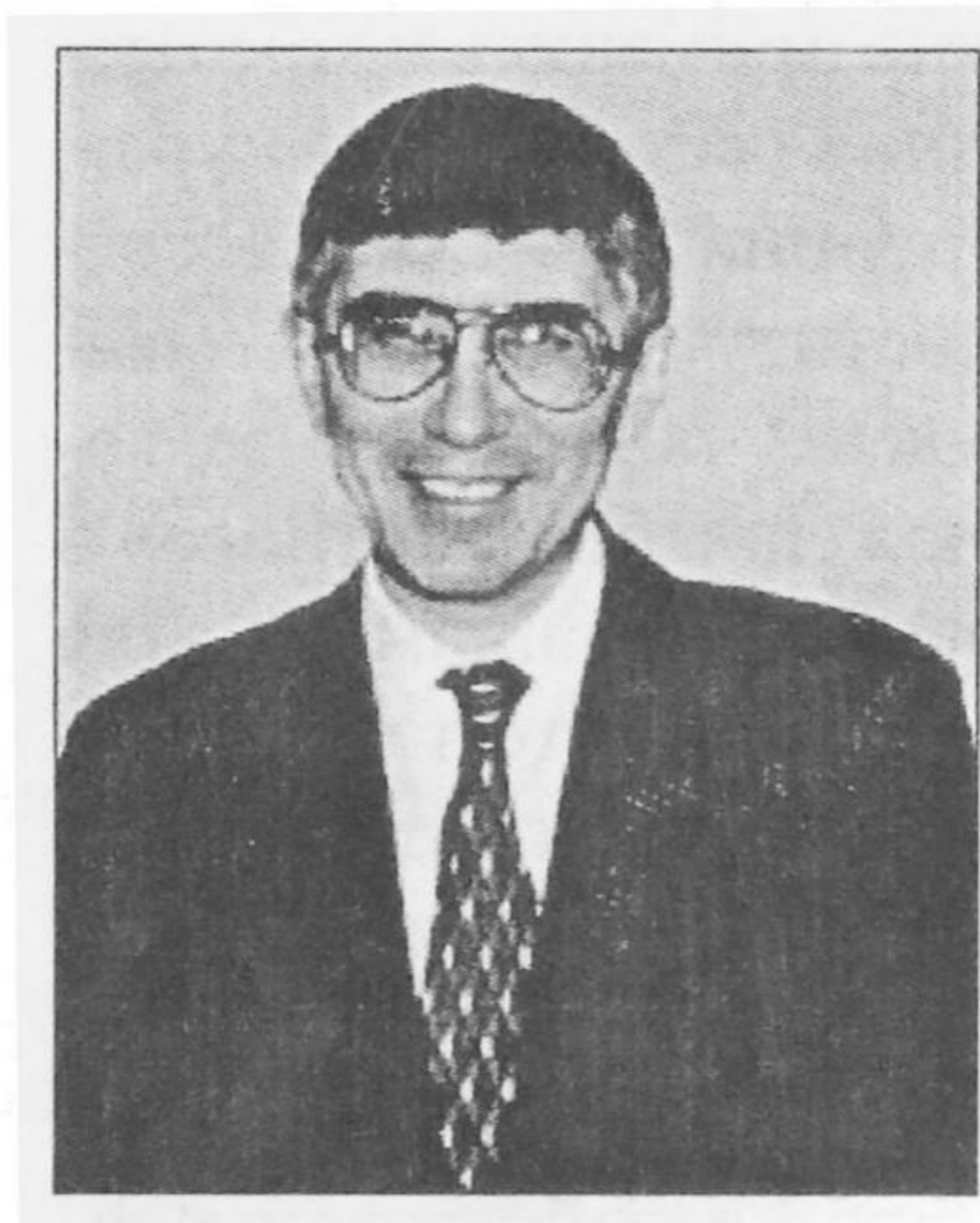

хулиганстве и иных административных правонарушениях; различных процессуальных документов органов предварительного дознания, проектов законодательных и иных нормативно-правовых актов и т. д.

Наконец, можно предложить (в форме дящегося письменного экзамена) следующее. Группе студентов даются ксерокопии «живого» уголовного дела (с измененными фамилиями), многоэпизодного и с большим числом обвиняемых, но без обвинительного заключения и всех последующих документов. Один студент на основе всех имеющихся в деле материалов (заявлений, актов, постановлений, протоколов и т. п.) пишет проект обвинительного заключения, второй – приговор, третий – кассационную жалобу, четвертый – прокурорский протест на приговор, пятый – постановление касколлегии на жалобу, шестой – заявление о принесении протеста на постановление касколлегии, седьмой – протест в порядке надзора на постановление касколлегии... последний – постановление Пленума федерального Верховного Суда по делу. Сходные формы могут быть использованы со сложными гражданскими, например наследственными делами, со сложными арбитражно-судебными делами и т. д.

Лишь пройдя столь многослойное и мелкочаечистое «сито» государственной «приемки» своих знаний и способностей, студент-выпускник сможет официально считаться юристом-профессионалом.

*Сергей Витальевич КОНДРАТЬЕВ —
декан факультета истории
и политических наук,
доктор исторических наук, профессор*

ТЕОРИЯ, СКАЖУ ВАМ, — ЗЛО, ДАБЫ ВОССЛАВИТЬ РЕМЕСЛО (РАЗРОЗНЕННЫЕ И АБСОЛЮТНО СУБЪЕКТИВНЫЕ МЫСЛИ ОБ ИСТОРИИ)

Вначале необходимо сделать пару замечаний относительно заглавия статьи. От мало-мальски начитанного человека не скроешь, что слова, написанные выше, есть всего лишь парафраз знаменитой цитаты из Гете о сухости теории и о вечной привлекательности жизни. Собственные же ощущения и наблюдения об историческом ремесле в законченную концепцию не складываются. Да и смешно стремиться к этому человеку, отдавшему большую часть жизни изучению весьма специфических проблем и никогда не придававшему большого значения генерализациям. Однако поводы есть.

Впервые я стал об этом задумываться, когда однажды Институт усовершенствования учителей обратился к нашему историческому факультету с просьбой

прочитать лекцию перед преподавательским сообществом об истории. Я тут же переадресовал ее одной из самых уважаемых с точки зрения степеней и званий кафедре. Каково же было мое изумление, когда вместо восторга предложение было встречено, по сути, истерикой. Общий ответ был краток, но выразителен: «ни за что», ибо, оказывается, учителя задают столь каверзные вопросы, которые ставят профессионалов в недоумение. Воистину от истерики до истории один шаг. А постановка «неразрешимых» задач — лучший способ втянуть людей в историю. Пришлось идти самому и констатировать, что более благодарную публику, если, конечно, с ней говоришь серьезно, а не пичкаешь исторической попсой, трудно отыскать. Вторым поводом стала недавно прошедшая в университете конференция «Историческая наука на пороге третьего тысячелетия», где довелось выступать с докладом, который лег в основу данной публикации.

Первое, с чем, думается, следует разобраться, это есть ли кризис исторической науки [1]. По мнению современных методологов и профессиональных историографов, сделавших изучение чужих мыслей по поводу прошлых событий и источников своим ремеслом, несомненно есть, поскольку отсутствует универсализм в подходах к решению проблем, исчезает некий специфический, ученый язык, исчезают проблемы в старом понимании. Однако у меня нет такого ощущения. Мне кажется, ни в какое другое время историк не чувствовал себя в нашей стране более комфортно с точки зрения занятия своим делом (о хлебе насущном речь, понятно, не идет), как сегодня. Ощущение свободы изысканий, массы возможностей (поездки, встречи, гранты) для этого и, наконец, независимая ни от кого реализация исследований. Сегодня объектом исторического описания может являться все: от форм сознания до приемов медитации, от способов производства материальных благ до мистических ритуалов, от агрикультурных трактатов до эзотерических текстов. Сколько аналитической глубины в исследовании о значении навоза в системе землепользования сибирских крестьян [2]! Вчитайтесь и увидите, что ничуть не меньше, чем поэзии в знаменитых «Сортирах» Тимура Кибирова. Стоит только найти деньги, и становится возможным опять-таки все: издавай, что хочешь, а потом жди приговора — хвалебной или разгромной рецензии. Не издал — создай сайт в Интернете, все равно оповестишь мир, и обойдется дешевле.

Похоже, наступает период исторического маньеризма. Барьер между «настоящей наукой» и андеграундом становится едва уловимым и вот-вот исчезнет вовсе.

Историку стала важна деталь, нехарактерное, нетипичное. Среди сегодняшних, частных, сюжетов методолог и историограф чувствуют себя не уютно. Ибо им не о чем и не с кем спорить. Все те, кто занят конкретными исследованиями, не стремятся вписать их результаты в некий типовой контекст и не нуждаются в какой-то специальной методологии. Каждый из них может идти к своему объекту тем путем, который ему представляется предпочтительным, не спрашивая разрешения и даже никого не ставя об этом в известность. На вопрос, какова Ваша методология, такой историк пожимает плечами. Поэтому речь может идти только о кризисе в цехе методологов, но никак не у тех, кто увлечен «низкими», по мнению теоретиков, темами.

Здесь самое место вспомнить одну беседу двух столичных специалистов из Института всеобщей истории РАН, невольным свидетелем которой мне довелось быть. Один из них сказал, что все историки делятся на тех, кто исповедует либо формационный, либо цивилизационный подход к событиям прошлого. На что получил ироничную реплику своего визави: как тому быть, если он не принадлежит ни к первым, ни ко вторым? Ответ был не менее ироничным, но показательным: такие, как Вы, не имеют права на существование. Понятно, что данное заявление не более, чем шутка. Но, в ней, как в любой шутке, сказанной неглупым человеком, есть своя

сермяжная правда. Она состоит в том, что, с точки зрения методологов и историографов, появилась ранее невиданная генерация неких «безыдейных», «беспринципных» историков, специалистов, которые не стремятся к созданию великих универсальных и генерирующих идей. Такого историка может больше интересовать, например, кухня аристократа и скудный рацион маргинала, чем движение народных масс. По мнению профессионального методолога, в прошлых событиях следует видеть некий смысл, тогда как в описании частных, деталей, нехарактерностей смысла не много. Вероятно, в наличии этой «бессмысленной» историографии он, прежде всего, и усматривает проявление кризиса. В эпоху перемен в его душе поселилась ностальгия по прошлому методологическому и теоретическому единомыслию если не советских времен, то хотя бы XIX в., когда каждый историк императивно должен был отнести себя к той или иной школе, тому или иному направлению. Наконец, создать собственную школу либо направление.

Другим примером «бессмысленности», который также свидетельствует против традиционного понимания назначения историка, становятся методологические разделы всевозможных авторефератов от кандидатских до докторских. Причем если такой раздел состоит из двух абзацев, то второй нередко находится в вопиющей оппозиции к первому. Относительно недавно из одного такого реферата мне удалось узнать, что в методологическую телегу новизны исследования легко впрягается и конь, т. е. «формационный подход», который позволяет «определить основные закономерности капиталистической эволюции», и трепетная лань — «цивилизационный подход... согласно которому... фактором развития может быть надстроечная система». Это был автореферат будущего кандидата исторических наук. Не станем иронизировать над тем, что хотел сказать автор. Понятно и так, что мыслей было много в его голове, которые тем не менее смешались, как кони и люди под Бородино. Есть столь же интересные «находки» в авторефератах докторских. Один из молодых докторов, при изучении сибирских тюрем XIX в., использовал и принцип историзма (изучаю все в развитии), и принцип «циклов большой длительности», предполагающий признание малоподвижности изучаемых явлений. Поскольку оба соискателя получили искомые степени [3], можно прийти к заключению, что методологические разделы диссертаций уже превратились в некий ритуал, знак, по которому ареопаг (т. е. ВАК) узнает своих. Хотя, кто знает, может быть, всему виной инерция научных руководителей и консультантов. Автор данной статьи, кстати, в своей докторской диссертации о методологии не написал ни слова, однако у членов ученого совета из-за этого обстоятельства брови хмуро не сдвинулись и из ВАКа молний не последовало.

Методолог и историограф выпали из привычной системы координат. Исчезли великие идеи, вместе с ними ушли в прошлое великие историки. Сегодня нельзя сказать: Вы не правы, потому что знаменитый такой-то по этому поводу думал (думает) так-то. В ситуации, когда по-базаровски никто ничьих мнений не разделяет, а имеет свои, методологу и историографу становится неуютно. Он не может стать историографом частных тем, ибо не знает их сути. Поэтому ему остается только твердить, как заклинание, о кризисе исторической науки.

Параллельно с уходом эпохи генеральных линий и универсальных идей возник реальный полицентризм. Провинциал, занятый изучением частных, все меньше и меньше нуждается в поездках в центральные библиотеки и в консультациях столичных ученых. Ни для кого не секрет, что зачастую проще получить приглашение, выиграть грант, собрать материал, а то и написать статью, диссертацию или даже книгу в стране изучения, чем сделать то же, только дома. Меняется среда обитания исследователя. Если еще в относительно недавнем прошлом термин «советская историческая наука» имел смысл, вызывая невольные ассоциации либо с отделением

истории Академии наук, либо с ее институтами, либо с отчетом к круглой дате, имеющим характерный заголовок «Историческая наука в СССР за...», то сегодня комбинация слов «отечественная историческая наука» не будит воображение.

Почти ушло стремление к концептуальному обогащению, благодаря знакомству со смежными дисциплинами. Еще несколько лет назад меня бы такое отношение удивило, а сегодня радует. Вновь обратимся к воспоминаниям. Пять лет назад мне впервые довелось попасть за рубеж. Местом моего вояжа стал Йель, за что я искренне благодарен судьбе и одной американской организации (IREX). Тогда в России многие из нас зачитывались только начавшимся издаваться по-русски Жаком Дарида и прочими деструктуралистами. Я знал, что в Йеле Дарида регулярно выступает, а его последователи издают здесь в честь мэтра ежеквартальный журнал. Мне казалось, что Дарида должен собирать огромные залы. Но на свой вопрос, обращенный к главе факультета истории и моему старому знакомому Полу Бушковичу, я получил ответ, который сводился к тому, что действительно лингвисты печатают какие-то причудливые статьи и читают публичные лекции, но их «нормальный человек» (так сказал Пол) не может понять по-английски без толкового словаря. С жалостью смотрел я тогда на знатока манускриптов, не высоко ставящего метафизические фантазии. Но прошло несколько лет, и подобные явления стали частью нашей корпоративной повседневности. Сегодня мы, если попадаем за рубеж, везем не новые концепции, как было 20 лет назад, а знакомства, технологии и архивный материал. Современная история возникла благодаря эрудитам эпохи Возрождения, и, по правде сказать, в лучших своих образцах сильно ту эрудитствующую историографию напоминает. Сегодня в нашем цехе особенно ярко выражено желание продемонстрировать степень овладения специфическими ремесленными навыками — знанием архивов, умением читать рукописи, их атрибутировать, составлять к ним индексы. Слава Богу, мы сегодня стремимся не к методологии, на что в 30-е годы сетовала О. А. Добиаш-Рождественская, а к тому, что она называла техникой ученого ремесла [4]. Наступают (только бы не сглазить) времена, когда подлинными кумирами начинающего историка станут палеография, просопография, вспомогательные дисциплины и архивные раритеты.

«Узкие» специалисты, знатоки конкретных тем по всему миру, как правило, уже знакомы друг с другом. Молодежь, быстро овладевающая языками, легко и органично вливается в эту интернациональную и поэтому, как правило, весьма многочисленную среду узких специалистов, утрачивая потребность читать своих отечественных коллег, пишущих на другие темы. Современные коммуникативные средства — прекрасные в этом помощники. Электронная почта связывает историка в режиме реального времени с коллегами от Австралии до Америки, дает возможность обмениваться информацией, получать консультации, не неся никаких расходов и не спрашивая ничего разрешения. Поэтому не вполне уместны иногда раздающиеся призывы к отечественной исторической науке побыстрее влиться в мировую. Те, кто представляют не науку, а самих себя, уже влились, не декларируя, но и не скрывая этого. Заметим, что уже появились целые комплексы первоклассных архивных материалов, которые перенесены на электронные носители [5].

Меняются традиционные жанровые требования к историческому повествованию. «Узкий» специалист никогда не станет писать ни об общественной, ни даже о цеховой актуальности своих сюжетов. Он никогда не станет говорить от имени науки. Он, скорее, съезвит по поводу науки [6]. Никогда не возьмется писать о первостепенных задачах, которые перед наукой стоят. Он отвечает не за общество, не за весь цех, а только за самого себя, ибо исследуемый сюжет важен, прежде всего, для самого историка и, конечно, тем более актуален, чем больше шансов

заинтересовать им какой-нибудь фонд или издательство, которое платит гонорары. Историограф борется за то, чтобы остаться общественным животным, а историку это уже стало не нужным.

Современная жизнь нередко не оставляет времени для написания больших полотен. И историк все чаще и чаще отдает предпочтение малым жанрам — статье, очерку, эссе, рецензии. Знание палеографии или чужого языка превращает его то в переводчика, то в издателя, заставляя довольствоваться ролью автора предисловия и комментатора. Стремительно теряя былую общественную значимость, история, как кажется, превращается в род словесного творчества, который требует даже рецензии писать не по установившемуся шаблону, а красиво. Многое можно простить, беря в руки очередное сочинение, кроме скуки.

Так в чем же кризис? Неужто в современной исторической полиархии, новизне сюжетов и постепенном исчезновении скуки? Любой методолог и теоретик науки запросто ответит, что кризис истории заключается в демонстративном отказе историков от поиска закономерностей и от попыток вписать свои эмпирические находки и наблюдения в некий общий контекст. Однако и он должен признать, что пока никто не предложил надежной методологии построения исторических схем, которая оказалась способной выдержать проверку конкретным материалом исторических источников. Современный историк, если он, конечно, овладел необходимым минимумом ремесленных навыков, никогда не заложит душу ни социологии, ни синергетике, ни аксиологии, ни герменевтике, ни феноменологии, а также ни марксизму, ни позитивизму, ни экзистенциализму, ни прочим «измам». История — дело индивидуальное, занимаясь которым каждый, помимо общецеховых орудий и приемов, создает свой личный инструментарий. Универсалии современный историк учитывает лишь в той мере, в какой они тождественны его личному профессиональному опыту. Вспомним недавнее прошлое, когда «реалисты» из идеологических отделов еще создавали императивы для «номиналистов»: не было ничего смешнее и нелепее теоретических довесков к сугубо специфическим работам. Впрочем, редкие возражения звучали даже тогда. Помню, в начале 80-х годов, при обсуждении одной из диссертаций, посвященной средневековой истории, Владимир Александрович Якубский, профессор Ленинградского университета, посоветовал молодому автору не будоражить во введении прах Маркса.

Затронем еще одну сложную и одновременно деликатную тему, касающуюся взаимоотношений поколений в рамках одного исторического цеха. Ибо думается, что проблема кризиса истории во многом именно поколенческая. Мы сегодня, по видимому, впервые переживаем то, что на Западе происходит достаточно часто. Там, как правило, новые поколения историков не только не разделяют методологических подходов своих учителей, но даже их исследовательских интересов. Во многом именно как вызов традиционным школам и темам в Англии 60-х годов возникло направление локальных исследований, затем во второй половине 70—начале 80-х гг. — ревизионизм, на смену которому пришла волна постревизионизма. Можно также припомнить эпатазирующие штудии Д. Старки и его последователей в конце 80—начале 90-х гг. о королевском дворе, церемониале, интригах и придворных карьерах, которые спустя всего десять лет стали выглядеть вполне респектабельно. И действительно, чаще всего о кризисе говорит именно то поколение, творческий расцвет которого пришелся на годы застоя. Этому поколению нужно отдать должное, поскольку оно не побоялось пренебречь официальными установками того времени и начало изучение, к примеру, ментальностей. Но, помня о заслугах старших, новые поколения, как пелось в одной перестроечной песне, хотят перемен — сюжетных, терминологических, тематических в том числе.

Сегодня, когда исчезли универсальные идеи, должна, как представляется, исчезнуть старая историография. Историческое зеркало уже раздробилось на многочисленные осколки, которые неизбежно будут дробиться дальше. Историография в этом смысле обречена. Первый шаг к этому сделал три, кажется, года назад совет деканов, не утвердив соответствующую специализацию на исторических факультетах вузов. Историография как одна из форм идеологии исчезла из современных образовательных стандартов. Ей на смену пришла история исторической науки. Иначе говоря, никто не мешает историкам изучать жизнь и деятельность своих предшественников. Как это делает, например, Б. С. Каганович [7]. Но, согласимся, это уже не историософский или методологический труд в духе прошлых времен, а нечто иное.

Перейдем теперь от проблем общих к частным. От разговора об истории вообще к размышлениям об уральской и западносибирской истории.

При установлении путей движения сообщества тюменских историков важно четко определиться с некоторыми исходными позициями. Представляется, что главным обстоятельством, которое будет определять и количественные и качественные показатели нашего ремесла, является растущая конкуренция. В условиях утраты историей былой общественной значимости, исчезновения интереса к историкам со стороны различного рода начальства (ибо его сейчас с большой эффективностью обслуживают пиарщики, политологи, психологи, социологи), сокращения финансирования и естественной убыли абитуриентов следует посмотреть правде в глаза. А читается в них истина одновременно и тривиальная, и грозная: и уральцы, и мы, и нижевартовцы, и сургутяне, и тоболяки — все толчемся на одном и том же пространстве. И победит в этой толчее самый лучший, т. е. самый квалифицированный.

Профессионализм и квалификация в нашем цехе не измеряются только дипломами, выписанными ВАКом. Диссертация — это важный, но во многом ритуальный шаг. Имя нам сегодня — легион, но каждый из нас в своей области исследования ценит не более десяти человек. Не диссертация вводит историка в сообщество, не она определяет его неписаный, неформальный статус. В конце концов, М. М. Бахтин так и умер кандидатом наук, но знал-то его весь мир. Организации, которые серьезным образом финансируют изыскания, учитывают, безусловно, степень, но больше их интересует наличие имени автора *an application for open competition*. То же самое касается политики престижных издательств и журналов. В этих объективных условиях только реальная, а не дутая квалификация и известность, известность и еще раз известность являются гарантом нашего будущего. Полагаю, что нет ничего глупее закосневшего в агрессивном невежестве и самодостаточности провинциала, гордо вскидывающего голову от упоминания своей фамилии в промежутке между улицами Ленина и Республики. Провинциализм — худший вид тщеславия и лучший способ оправдания исследовательской и менеджерской (не продал рукопись — ты нуль!) апатии.

Проще всего пригретыми славой могут стать специалисты, работающие с местным материалом. Их сила в уникальности находящихся в Тобольске и Тюмени источников. Но, на мой субъективный взгляд, мы этим благом пока пользуемся не лучшим образом. Увы, екатеринбуржцы знают наши архивы лучше нас.

Здесь ничего не надо придумывать: самый простой способ сделать имя — публикация, атрибуция и комментирование архивных текстов. Этим же способом зарабатывается подлинное мастерство. Например, во Франции есть маленький городок Оверни, историки которого уже более столетия издают содержимое местных хранилищ, и именно публикаторская деятельность принесла им мировую из-

вестность. В уже упомянутом Йеле существует Центр парламентской истории, который аккумулировал все известные источники по истории английского пред-революционного парламента. Они перенесены на разного рода носители. Центр, в котором работают всего три человека, издает практически ежегодно по тому (примерно в 1 тыс. страниц каждый) уникальных рукописных источников. Реальность такова, что английский исследователь предпочитает изучать парламент по другую сторону океана, ибо так дешевле и удобнее: разбросанные по разным архивам документы сосредоточены теперь в одном месте. И каждый фонд считает за честь поддержать Центр. Конечно, такая квалификация нарабатывается годами, но когда-то и кому-то надо начинать.

Что касается «всеобщников», то здесь просматриваются три составляющие успеха: хорошее знание языка или даже языков, использование оригинальных материалов страны (региона) изучения и зарубежные контакты. Наличие трех упомянутых «китов» способно каждому обеспечить твердую почву под ногами. «Всеобщник», стремящийся к тому, чтобы его ценили здесь, должен одновременно добиться признания там.

Меня можно упрекнуть в том, что я выписываю незамысловатые рецепты. Но ведь именно простые средства обычно назначают здоровому, слегка простудившемуся организму. Больному нужна совсем другая терапия.

Сегодня мы боимся публичности (смотри, читатель, начало статьи), а ведь нам пора обрести статус. Обретя статус, мы получим, смешно сказать, долгую и счастливую жизнь. Публичность — кредо гуманитария. В конце концов, потрясшие Европу 95 тезисов Мартина Лютера были всего лишь данью университетской традиции проведения открытых диспутов.

ЛИТЕРАТУРА

1. О современном состоянии мировой исторической науки см., например: Гуревич А. Я. Апории современной исторической науки — мнимые и подлинные // *Одиссей*. 1997. М., 1998. С. 233–250.
2. Туров С. В. Исторический опыт природопользования русских крестьян Западной Сибири (XVIII–первая половина XIX вв.): Автореф. ... канд. ист. наук. Тюмень, 2000.
3. Воздержимся здесь от упоминания имен, дабы не портить ученую карьеру молодым еще людям. Что до ассоциативного ряда «коня и лани», то он при чтении автореферата был мне подсказан С. В. Туровым.
4. Добиаш-Рождественская О. А. Культура западноевропейского средневековья. М., 1987. С. 226.
5. В качестве примера можно упомянуть недоступный по цене (5000 \$), но реально существующий *The Hartlib Papers on CD-ROM*, выпущенный в свет компанией *Information Publications International Ltd*, который включает в себя 25 тысяч манускриптов и других материалов из коллекции известного английского гуманитария и педагога XVII в. Сэмуэля Хартлиба.
6. Бойцов М. А. Вперед, к Геродоту // *Казус*. 1999. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1999. С. 17–41.
7. Каганович Б. С. Е. В. Тарле и Санкт-Петербургская школа историков. СПб., 1997.